

УДК 811.112.2/81'367.7+82.0

ББК 81.432.4-5

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/145-150>

**ТИП НАРРАТОРА КАК ФАКТОР ВЫБОРА
ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

**(Рец. на кн.: Кострова О. А. Концептуальная грамматика хронотопа
в немецкой лингвокультуре. М. : ФЛИНТА, 2023. 152 с.)**

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

**NARRATOR TYPE AS A FACTOR
OF CHOOSING GRAMMAR MEANS**

**(Review of Kostrova O. A. Conceptual grammar of chronotopos
in German linguoculture. Moscow : Flinta, 2023. 152 p.)**

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Одним из самых парадоксальных вопросов, с которым, по сути, имеет дело каждый лингвист независимо от предмета своего исследования и приверженности определенным теоретическим постулатам, является следующий вопрос: чем именно руководствуется в коммуникации человек при выборе средств и способов выражения своих мыслей? За этим вопросом неизбежно встают и другие, в частности: насколько регулярны, устойчивы и постоянны соответствующие соображения? Насколько корректно считать повторяющиеся способы и средства выражения одной и той же мысли результатом кодификации средств и способов решения коммуникативных и когнитивных задач? Насколько правомерно характеризовать соответствующие закономерности как подпадающие под грамматическое описание?

Предложенное название к очередной книге ее автор, О. А. Кострова, по всей видимости, выбрала из-за своего стремления проникнуть в тайну относительной устойчивости языковой системы и вместе с тем из-за ясного осознания наличия в последней изменений. Такой подход понятен и не может удивить читателя, поскольку своеобразие любой лингвокультуры

О. А. Кострова видит в языке, на котором «выражаются принятые в обществе понятия, правила и ценности, описывается жизненный уклад, создается фольклор и литература, т. е. фиксируется, сопровождается и во многом информационно обеспечивается жизнь общества в целом и каждого члена его в отдельности» (с. 6). Знакома читателей во введении (с. 6–7) со своей оценкой разной степени изменчивости и устойчивости у двух – лексики и грамматики – уровней языка, как их определяет автор рецензируемой книги, О. А. Кострова формулирует основную идею книги – определить, существуют ли этноспецифические модели хронотопа (с. 7). Для этого она решает опираться на категорию хронотопа, соединяя трактовки литературоведов и лингвистов; поэтому «Языковые репрезентанты хронотопа (средства выражения времени и пространства) систематизируются с позиции нарратора, определяющие их дейктический статус. Разграничиваются пространственно-временные перспективы развития сюжета и оценочная перспектива субъекта речи» (с. 2).

Рецензируемая книга четко структурирована и выстроена таким образом, что название глав, разделов

© Гришаева Л. И., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

и подразделов позволяют читателю, с одной стороны, легко ориентироваться в концепции автора и, с другой стороны, следить за логикой изложения, не теряя из виду цель исследования – выявить этноспецифические способы выражения сведений определенного типа и определить, насколько соответствующие способы кодифицированы разнообразными средствами языка (с. 2, а также 6–7).

В этом контексте интересно замечание О. А. Костровой: «Концептуализация хронотопа происходит не только и не столько лексическими, сколько грамматическими средствами. Поскольку грамматическое время пронизывает практически весь нарративный текст, временной параметр хронотопа становится ведущим» (с. 65). Однако внимание при описании процессов и моделей концептуализации разных типов хронотопа получают и синтаксически релевантные сущности (обстоятельства времени и обстоятельства места, выражаемые разными способами, в том числе группами существительного и наречиями темпоральной семантики и/или придаточными времени, а также личными местоимениями и иными дейктическими средствами, предлогами, союзами, модальными глаголами и иными средствами).

В рецензируемом издании имеются традиционные для монографии введение (с. 6–7), шесть глав (с. 8–15, 16–18, 19–66, 67–86, 87–97, 98–141), заключение (с. 137–141), список литературы (с. 142–148) и список источников примеров (с. 149–150). Список литературы включает как сегодня хорошо известные, так и редко упоминаемые труды отечественных и зарубежных исследователей-литературоведов и лингвистов, а также философов, историков, культурологов и других ученых, публикации которых были осмыслены при формировании теоретического фундамента анализируемого исследования. Список источников примеров является не менее показательным в том смысле, что в него вошли не только довольно часто и регулярно изучаемые с разных позиций художественные произведения разных мастеров слова, но и произведения, мало известные даже отечественным германистам. Тот факт, что О. А. Кострова «на равных» использует результаты вербализации сведений средствами немецкого языка из разных эпох его развития при конструировании фикциональной реальности (стоит только сравнить тексты, например, Г. Белля и К. Вольф, П. Зюскинда и Д. Нолля, Г. де Бройна и М. Фриша), а также данные корпусов, убеждает в тщательности подбора эмпирического материала и в адекватности подхода к выбору методологии и приемов анализа отобранной эмпирии.

Введение (с. 6–7) вопреки сложившейся традиции оформления монографии имеет содержательный заголовок – «Концептуальная устойчивость как знак лингвокультуры», где в фокус размышлений помеща-

ется соотношение изменчивости и устойчивости языковых средств и высказывается мысль о том, что «Языковая система описывается через иерархию уровней, различающихся по степени изменчивости» (с. 6). О. А. Кострова обозначает изучаемое проблемное поле также в опоре на концепцию лингвистического континуума В. М. Савицкого.

Первая глава озаглавлена следующим образом: «К постановке проблемы: возможности интеграции лингвистики и литературоведения». Это позволяет автору книги в трех разделах прийти к постулированию триединства времени, пространства и наблюдающего лица (с. 12–15).

Под заголовком «Материал и методы исследования» О. А. Кострова довольно подробно описывает свои мотивы для принятия решения интегрировать литературоведческие и лингвистические подходы. Она раскрывает объяснительную силу понятия «нарратор» и называет основания для выделения двух его типов по степени его участия в действии: диегетического и недиегетического (с. 17). Таким образом, нарратив интерпретируется автором исследования как пространство интеграции (с. 16–17), что аргументируется типологией нарратора с последующими моделями, учитывающими точку зрения, перспективу и фокализацию, при выделении различий косвенной и несобственно-прямой речи с интерференцией текста нарратора и персонажа, а также через анализ средств и способов их репрезентации в немецком языке.

Методологические постулаты опираются на теорию хронотопа, нарратологию, грамматические концепции времени и наклонения, когнитивную теорию интерпретации языковых знаков, теорию дейксиса, постулаты пространственной и референционной лингвистики, а также на теорию этнокультурного кода (с. 17–18). О. А. Кострова констатирует: «Особое внимание уделялось систематизации этнокультурной релятивации языковых средств, используемых для выражения хронотопа, поскольку эта специфика до сих пор находится на уровне имплицитного осознания как наивными носителями немецкого языка, так и германистами» (с. 18).

И хотя примеры, иллюстрирующие ход рассуждений и/или те или иные тезисы концепции, представляют собой, как правило, отдельные словоформы, группы слов или же одну-две текстымы из некоторого сферхфразавого единства, нельзя не признать, что материалом для исследования служат тексты как интенциональные, функциональные, тематические, содержательные и формальные целостности. Это проявляется в том, как автор книги раскрывает сюжеты анализируемых макротекстов, как он характеризует персонажей и особенности восприятия ими пространственных и темпоральных отношений меж-

ду персонажами анализируемых нарративов и/или между разнообразными объектами, заполняющими пространства разных типов, какие обобщения следуют из анализа способов репрезентации пространственно-временных отношений того или иного типа.

Автору книги, О. А. Костровой, удается при этом не впасть в абсолютизацию типологии хронотопов, разработанных в свое время М. М. Бахтиным, поскольку она принимает во внимание и иные концепции, в частности лингвистические, в которых изучаются средства и способы объективации сведений о пространстве и времени, этих двух фундаментальных параметров любой картины мира, в том числе и естественно-научные, культурно-антропологические и философские воззрения.

Третью и четвертую главы, по всей видимости, следует воспринимать как основополагающие для концепции в целом, поскольку они, во-первых, предстают наиболее объемными в пространстве книги, во-вторых, имеют в отличие от других глав разделы «Резюме» (с. 65–66, 85–86) и, в-третьих, содержательно (проблемно) максимально расчленены, т. е. даже внешне обсуждаемая проблематика получает структурное оформление с маркированием иерархически организованных содержательных связей. Высказанная характеристика этих частей книги базируется, в-четвертых, также и на осмыслении названий соответствующих глав: «Грамматическое время и его концептуальная интерпретация в немецкой лингвокультуре» (с. 19–66), «Синтаксические репрезентанты темпоральной перспективы» (с. 67–86). Наконец, особую концептуальную значимость приобретают анализируемые вопросы на фоне осмысления категории темпоральности в ретроспективном, референциально-логическом и когнитивно-прагматическом аспектах с целью «смоделировать семантику этой категории в немецком нарративном дискурсе» (с. 22).

К особенностям манеры изложения следует отнести обращение к теоретическим интерпретациям анализируемого проблемного поля на материале разных языков; сравнение теоретических подходов к анализу равноуровневых средств выражения темпоральности в отечественной и немецкой филологических традициях; определение источников и механизмов развития обсуждаемой семантики в историческом ракурсе (О. А. Кострова говорит в том числе и о «ресурсных областях, пересекающихся с темпоральностью» (с. 27), о соотношении пространственной и временной семантики, пространственной и указательной, ограничительной и др.), иллюстрируя соответствующие процессы примерами. Подобная подача теоретических вопросов позволяет автору книги ненавязчиво акцентировать различия в трактовке изучаемого феномена в разных филологических школах и вместе с тем обратить внимание читателей

на причины серьезных расхождений в теоретических подходах, не всегда ясно осознаваемых отдельными исследователями не только при теоретическом описании изучаемых явлений, но и в прикладных работах.

Внимание заслуживают в этой связи рассуждения о дейктивности категории времени, о модально-темпоральных фреймах, о модализации темпоральной перспективы, о дейктическом темпоральном фрейме, представленном в двух основных вариантах, основывающихся на типах нарратора (дигетического и недигетического).

Основным результатом становится выявление трех моделей темпоральных фреймов: дейктического (с. 33–43), аллоцентрических (с. 43–46), косвенно-эвиденциального (с. 46–47). О. А. Кострова подчеркивает: «Каждая модель включает в себя определенный дискурсивный потенциал, так или иначе связанный с семантикой темпоральных союзов или с ресурсными областями темпоральности» (с. 47). Учет категориального статуса языковых средств выражения хронотопа позволяет автору монографии сформулировать следующее обобщение: «Для грамматических времен доминирующей хронотопической функцией является центрирование на автора, создающее эго- или неэгоцентрический интенциональный вектор наррации, хотя ориентация на темпоральные перспективы персонажа не исключается, о чем свидетельствуют аллоцентрические и косвенно-эвиденциальные фреймы» (с. 67).

Любопытно, что автор рецензируемого издания считает необходимым различать лингвистический и литературный хронотопы. В последнем дейктическим центром, задающим точку хронотопического отсчета, является фигура автора-наблюдателя (с. 65). «Наблюдатель <...> представляет знания о мире с позиции внутренней перспективы, погружая читателя в эту систему» (с. 65).

Анализ синтаксических репрезентантов хронотопа приводит исследователя к выводу о том, что данную функцию выполняют парантезы и разнообразные темпоральные обстоятельства, интерпретируемые как «получающие(ми) статус модусных категорий, имеющих дейктический, двойной дейктический или полудейктический характер» (с. 85). Изучение обязательных синтаксических и морфологических репрезентантов хронотопа в тексте позволяет подчеркнуть их постоянное взаимодействие, придающее «темпоральной перспективе рельефную выпуклость» (с. 86). Этноспецифику синтаксических средств при выражении темпоральной перспективы того или иного вида О. А. Кострова усматривает в специфике темпоральных союзов *als* и *wenn*, в импликации отрицания союзом *bis*, в синонимии союзов *seit – seitdem*, *bevor – ehe*, в импликации аспектуальной завер-

шенности события, в обязательном согласовании временных форм и в других способах конструирования хронотопа (с. 86).

В главе «Пространственная составляющая хронотопа: теоретические проблемы» (с. 87–97) автор книги исходит из того, что репрезентация пространства в художественном тексте выполняет мифопоэтическую функцию и что ее кодирование «опирается на универсальные архетипы пространства, выводимые из его интерпретации в естественных науках и философии» (с. 87). Подчеркивая «неотделимость пространства и времени, неразрывную связь пространства с вещами, структурирующими его», «составность пространства (его членение и соединимость частей)» (с. 88), а также свойственную пространству «реверсивность, основанная(ую) на симметрии пространственных рядов» (с. 97), О. А. Кострова приводит мнение Х. Фатера и Д. Вундерлиха относительно большей значимости для организации языка категории пространства, несмотря на облигаторность грамматического выражения времени системой временных форм и факультативность выражения пространственных отношений (с. 89).

Критически осмысливая различные интерпретации разных способов отдельных типов референции в тексте, «чтобы уточнить возможности художественного использования пространственной составляющей хронотопа» (с. 89), автор рецензируемого исследования тщательно описывает разные типы и способы концептуализации пространственных отношений, комментируя объяснительную силу анализируемых подходов. На основании этого анализа О. А. Кострова выявила четыре основных пробела в лингвистической интерпретации концептуализации пространственных отношений (с. 97), которые стали предметом анализа в следующей главе.

В главе «Репрезентация пространственной составляющей хронотопа в художественном дискурсе» (с. 98–136) автор фокусирует свои рассуждения на разборе мифопоэтики репрезентации пространства персонажа (с. 98–105), на описании дейктиков в функции репрезентантов пространственной перспективы (с. 105–111), на анализе функционала предложных групп существительных (с. 111–114), на функционировании наречий направительной семантики при пространственной перспективизации (с. 114–131), а также на интерпретации репрезентации дескриптивной локативности сложноподчиненными структурами (с. 131–136). Только перечисление объектов приложения исследовательских усилий позволяет получить довольно ясное представление не только о концепции, но и о глубине проникновения в изучаемую проблематику.

Заключение (с. 137–141) традиционно подводит итоги размышлениям относительно средств и спосо-

бов конструирования в нарративном тексте хронотопа, изученных в дискурсивном, этимологическом, семантико-синтаксическом и фреймовом аспектах (с. 138). Это позволяет выявить специализацию грамматических средств немецкого языка на отдельные способы разграничения пространственно-временных характеристик сюжета, персонажей, авторской перспективы, соединив тем самым литературоведческий и лингвистический подходы к изучению соответствующих языковых средств.

Изложенная в рецензируемом издании концепция в лаконичном виде предстает следующим образом. В прозаическом нарративном тексте выявляется иерархическая разветвленная система темпоральных фреймов. Вершина иерархии – дейктический фрейм, существующий в двух разновидностях: эгоцентрический и неэгоцентрический. В рамках дейктического фрейма реализуются аллоцентрические акцентуирующие фреймы, придающие хронотопу рельефность, и косвенно-эвиденциальные фреймы, моделирующие контактную коммуникацию. По вершинным дейктическим фреймам можно судить о перспективе автора-наблюдателя, поскольку тем самым задается временной интервал к повествуемому и определяются соответствующие временные рамки. Для структурирования текста значимыми являются точки на временной оси, фиксируемые дейктическими фреймами. Это также важно для продвижения сюжета и/или развития персонажа (с. 138).

Выбор средств репрезентации хронотопа коррелирует с типом нарратора – диегетическим и недиегетическим. По мнению О. А. Костровой, «основное различие состоит в способе переключения темпоральной перспективы с повествуемого на повествующего. Диегетический нарратор переключает перспективу от своей перспективы как объекта повествования к точке координат, в которой он находится как субъект речи» (с. 139). «Недиегетический нарратор, переключая перспективу повествования, прибегает к оценочным суждениям в настоящем времени, тогда как дейктические наречия с семантикой прошлого используются им только для определения сюжетного времени действия» (с. 139).

Внимательный читатель, по всей видимости, не всегда будет готов разделить позиции О. А. Костровой – тем более она сама подчеркивает дискуссионность ряда подходов к изучению избранного предмета анализа, а также возможность множественности интерпретаций полученных данных. Однако размышления О. А. Костровой предельно прозрачны, каждая аналитическая процедура обосновывается, каждое обобщение иллюстрируется разнородным эмпирическим материалом. Поэтому читатель может либо присоединиться к трактовкам автора книги, либо, критически анализируя позицию исследователя, предлагать

свое видение проблематики или же разрабатывать свои приемы анализа. Это тем более потенциально не исключается из рассмотрения, что О. А. Кострова обращает внимание своих читателей на степень разработанности отдельных вопросов в различных теоретических трудах, многие из которых сегодня воспринимаются большинством в качестве довольно хорошо описанных.

При анализе новой публикации в виде рецензии читатель последней ожидает от рецензента своего рода рекомендаций по «использованию» соответствующих данных в своих дальнейших исследованиях. С этой точки зрения монография О. А. Костровой раскрывает потенциальным пользователям этой книги многочисленные возможности.

В первую очередь упоминания в обозначенном контексте заслуживает манера иллюстрирования теоретических постулатов эмпирическим материалом, а также способ экспликации содержательной интерпретации того или иного способа выражения анализируемых сведений. Назвать следует прежде всего следующие характеристики:

- высокая вариативность источников примеров (разные жанры, разная эстетика, разные писатели, разные сюжеты, разные типы субъектов повествования, разные временные перспективы, разные локусы, разные типы хронотопа и т. д.) при сохранении текстотипологического единства изучаемой текстовой ткани – нарратива – и типа реальности, о которой повествуется в анализируемых текстах – фикциональная реальность;

- предельно прозрачные и точные формулировки предлагаемых трактовок;

- выделение жирным шрифтом соответствующих разнородных средств;

- необходимый и достаточный контекст для того, чтобы сформулировать суждение относительно функционального потенциала описываемого средства;

- последовательная многофакторность анализа и междисциплинарность теоретического фундамента как при описании языкового материала, так и при обобщении полученных при наблюдении данных;

- четкая ориентация анализа эмпирии на поставленную в начале исследования теоретическую цель;

- критический взгляд как на труды, используемые при теоретическом осмыслении проблематики на всех этапах исследования, так и на разрабатываемую концепцию, которая последовательно верифицируется разными способами.

В качестве очевидного достоинства и в теоретическом, и в прикладном плане целесообразно охарактеризовать последовательное стремление О. А. Костровой соединять в неразрывном единстве обе перспективы филологических исследований – литературоведческую и лингвистическую. В данном

труде это стремление не остается на уровне простых деклараций и/или благих пожеланий, а напротив, максимально явно прослеживается и при изложении теоретических воззрений автора, и при анализе тщательно подобранного эмпирического материала, и на этапе подведения итогов исследования.

Наконец, нельзя также не обратить внимание на придание автором рецензируемого издания особой ценности разнородным грамматическим средствам фиксации пространственных и временных сведений о мире при конструировании разными носителями языка и культуры пространственно-временного континуума в процессе создания фикциональной реальности и соответствующего нарратива. Этот аспект важно подчеркнуть уже в силу того, что сегодня собственно грамматические средства фиксации и объективации сведений о мире не являются, к сожалению, излюбленным объектом приложения исследовательского интереса.

Таким образом, очевидно, что новая публикация, предложенная Ольгой Андреевной Костровой вниманию заинтересованных читателей, будет, несомненно, полезной для многих исследователей, предметно занимающихся изучением особенностей функционирования языка как средства познания и коммуникации. На сегодняшнем этапе развития лингвистики исследования интегративного типа весьма многообещающи, поскольку накоплен значительный объем сведений о функциональном потенциале языка как культурного кода и о специфике использования отдельных языковых средств в тех или иных условиях под влиянием разнородных факторов, внешних и внутренних по отношению к языку.

Данные, приводимые в книге О. А. Костровой, демонстрируют не только закономерный характер выбора субъектом с теми или иными характеристиками языковых средств при решении некоторой коммуникативной и когнитивной задачи, но и причинно-следственные связи между характером решаемой субъектом задачи, параметрами коммуникативной ситуации и способом повествования о своих действиях. И такой ракурс оказывается весьма и весьма информативным для изучающих язык как средство познания и коммуникации, поскольку при повествовании не все сведения о мире, воспринимаемые носителями языка и культуры при их взаимодействии, обрабатываются идентичным образом, не все сведения объективируются. Кроме того, одни и те же сведения о мире осмысливаются разными субъектами в тождественных коммуникативных условиях по-разному. Исследование О. А. Костровой – пример одного из возможных объяснений такому положению дел.

Накопление данных относительно концептуальных моделей структурирования сложно организован-

ных комплексов сведений о мире помогает раскрыть принципы организации гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире как целостности. Это представляет собой задачу чрезвычайной степени сложности, поскольку ни в одном акте взаимодействия носителей языка и культуры картина мира не может быть объективирована полностью, как таковая. Но и ни один текст не может быть осмыслен без одновременного осмысления, с одной стороны, сведений, объективированных средствами культурных кодов, и с другой стороны, сведений, активирующих и со-активирующих дополнительно разнообразные знания, не объективируемые в актуальном акте взаимодействия средствами культурных

кодов. Без со-активируемых сведений, однако, не могут быть обработаны сведения, объективированные с помощью разнородных элементов культурных кодов.

Поэтому О. А. Кострова своей книгой побуждает исследователей, не настаивая на своей позиции жестко, продолжать ее изыскания на новом эмпирическом материале теми же путями, которые она разработала и апробировала. Она также наметила новые перспективы в предложенном ею направлении анализа, раскрыв объяснительную силу своей концепции. Тем самым она показывает и возможности поиска новых способов решения упомянутых сложнейших исследовательских задач.

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Поступила в редакцию 18 января 2024 г.
Принята к публикации 26 марта 2024 г.*

*Received: 18 January 2024
Accepted: 26 March 2024*

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Тип нарратора как фактор выбора грамматических средств (Рец. на кн.: Кострова О. А. Концептуальная грамматика хронотопа в немецкой лингвокультуре. М. : ФЛИНТА, 2023. 152 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 145–150. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/145-150>

For citation:

*Grishaeva L. I. Narrator type as a factor of choosing grammar means (Review of Kostrova O. A. Conceptual grammar of chronotopos in German linguoculture. Moscow : Flinta, 2023. 152 p.). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 2. Pp. 145–150. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/2/145-150>*